

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №22 2021 ГАЗЕТА

Александр Кердан / Царь горы

КЕРДАН Александр Борисович

Член Союза писателей России с 1993 года, поэт, прозаик. Секретарь правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Лауреат Большой литературной премии России (2010), международных литературных премий: «Золотое перо» (2008), «Честь и Отечество» (2010), «Полярная звезда» (2012) и других. Автор романов: «Крест командора», «Караул», «Невольники чести», «Камень духов» и многих сборников стихов. Живет в Екатеринбурге.

ДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ БОЛЬШОЙ РОССИИ

(О ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ)

Город Челябинск сохраняет и укрепляет культурные традиции большой Родины. Межрегиональная выставка «Южноуральская книжная ярмарка — 2021» и II Всероссийский литературный форум, прошедшие в последние выходные сентября, — это действенная попытка освоения и осмысления современного культурного пространства. Помимо презентаций издательств и продаж книжных новинок, на различных площадках состоялись автограф-сессии, лекции, дискуссии, читка пьес с участи-

ем актеров, мастер-классы. Культурные тенденции Челябинска развиваются многогранно. Уважая и учитывая современные реалии в области литературы и книгоиздания, Челябинская областная научная библиотека (директор Диска Н. И.), выступившая в роли одного из организаторов этого масштабного мероприятия, с уважением и вниманием отнеслась к традиционному почвенническому литературному направлению и определила место Союзу писателей России на главной площадке с правом представлять проекты, книги, проводить круглые столы и организовывать дискуссии в течение целого рабочего дня литературного форума.

Модератором этой программы стал Председатель регионального отделения Олег Павлов. От московского отделения СПР приехали член Правления Анатолий Пшеничный и писатель Людмила Семенова. Они передали приветственное слово организаторам, участникам и гостям выставки от Председателя Союза писателей России Николая Фёдоровича Иванова. Вспоминая исторические вехи создания общероссийского писательского Союза, Иванов упомянул и о роли региональных отделений, их Союзе насчитывается девяносто одно. С их участием проходят многие значимые общественные события. «Одна из эффективных организационно-творческих форм ра-

боты — взаимосвязь писательских объединений». То, что взаимодействие между челябинскими и московскими литераторами в пространстве форума сложилось, считает и Олег Павлов. В рамках секции «85 литературных лет. Исторический экскурс и перспективы развития литературы Южного Урала», он рассказал о челябинских писателях, которые стояли у истоков создания организации. Это Борис Ручьев, Михаил Львов, Рустам Валеев. Состоялось также представление и обсуждение романа Зои Проко-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 №22 /1891/ Основана в 1927 г.

Александр Кердан

Царь горы

Роман

Глава первая

1

Едва Борисов свернул в арку, ведущую от универсама «Семейный» во двор его дома, как замедлил шаг — на стене чернела надпись: «Витька, я спал с твоей женой!».

«Должно быть, местная шпана самореализуется», — он с трудом удержался, чтобы не выругаться вслух, и даже не в адрес «шпаны», а по поводу всей окружающей жизни, двадцать семь лет назад перекроившей судьбы нескольких поколений, лишившей людей завтра и вчера, заставившей жить одним днём, ловчить и приспособливаться, пластаться ради куска хлеба насущного, забывая в погоне за ним и о прежних высоких идеалах, и о воспитании собственных чад... И теперь эти подростки — «птенцы эпохи перемен», не получившие должного воспитания, предоставленные самим себе, не знают, куда деть дурную, кипучую энергию...

«Взяли и стену испоганили! А ведь только что ремонт в арке сделали! И цвет красивый подобрали — этакий фисташковый пломбир». — Борисову вспомнилось, как его жена Инга, будучи в совете дома, названивала в управляющую компанию, чтобы ремонт начался. Как на собрание жильцов приглашали депутата городской Думы Сиропова, как просили у него поддержки. Депутат собирался помочь и не помог, тогда отправили ходоков в районную администрацию, и там обещали вопрос решить... Канитель продолжалась несколько лет, пока в арке не появились штукатурки и маляры... И вот тебе на! Месяца не прошло, как все старания насмарку!

Вообще-то день у Борисова не задался с самого утра.

Жуковский, главный редактор литературно-художественного журнала «Рассвет», где Борисов работал заведующим отделом публицистики, сообщил, что со следующего месяца прекращается их финансирование из средств областного бюджета. А это означало только одно — журнал будет закрыт и весь штат сотрудников останется без работы.

— Вот и наступил закат «Рассвету!» — невесело скалмбурил главред. — Это ж надо, девяностые пережили, двухтысячные одолели, а в две тысячи семнадцатом... Собаку съели, да хвостом подавились!

— Ты скажи ещё, Геннадий Андреевич, что в этом году исполняется сто лет со дня Великого Октября и это — праздничный подарок к юбилею! — Сообщение Жуковского Борисова обескуражило и огорчило. За годы работы в «Рассвете» он прикипел к журналу, да и оклад сотрудника редакции был совсем не лишним довеском к его офицерской пенсии.

— Насчёт праздничного подарка — не знаю, но советую загодя подумать о трудоустройстве... — не оставил повода для оптимизма главред.

В невесёлых размышлениях о том, чем займётся, если журнал закроют, Борисов провёл в редакции полдня и домой отправился в угнетённом состоянии духа. «Наскальная роспись» в арке окончательно вывела его из себя, настроив на критический лад.

Он медленно, боясь поскользнуться на хрупкой ледяной корке, покрывшей тротуар после вчерашней оттепели и утреннего морозца, побрёл к своему подъезду, мысленно продолжая сетовать и на продажную эпоху, и на бестолковую власть, закрывающую школы, библиотеки и литературные журналы, не думающую о воспитании молодёжи и не заботящуюся о стариках.

У своего подъезда Борисов остановился и окинул взглядом двор. Некогда зелёный, он, стараниями ушлого управдома, превратился в автостоянку. Нанятые управдомом таджики вырубали под окнами сирень и черёмуху, обкорнали могучие тополя, как головы призывников, и теперь они напоминают американские «Першинги» на стартовой позиции...

Чтобы переключиться с грустных мыслей на более позитивные, Борисов присел на лавочку и уставился на мальчишек, играющих на детской площадке.

Эту площадку построили прошлым летом как раз в канун избирательной кампании: Сиропову предстояло в очередной раз получать депутатский мандат, вот он и раскошелился...

«А чему я удивляюсь? Сейчас во власть только такие «сироповы» и лезут! Если и вспоминают о простых людях и их нуждах, так только перед выборами...» — Борисов готов был снова погрузиться в горькие думы о том, что происходит в стране, в его городе, превратившемся в «торговый Вавилон», в скопище мигрантов и гастарбайтеров, но вовремя остановился, вспомнив совет жены. Инга всегда, как только он начинал возмущаться «бардаком вокруг», призвала «выключить замполита»...

Не отрывая взгляда от играющих мальчишек, Борисов мысленно отрапортовал супруге: «Выключаю!»

Мальчишек на площадке было четверо. Все одного возраста: лет восьми-девяти, в разноцветных курточках. На присыпанной снежком земле — школьные ранцы.

«Гимназисты! Домой идти не торопятся... Заигрались!»

Игра действительно была в самом разгаре. Двое пацанов с хохотом пытались стащить с деревянной

горки своего товарища. Он изо всех сил карабкался вверх по наклонной поверхности, вырывался из цепких рук. Наконец ему это удалось. Ещё один рывок, и он — наверху... Но в последний момент мальчик, который не участвовал в общей свалке, обежал горку, ловко взобрался по ступеням с другой стороны и встал на вершине во весь рост.

— Ура! Я победил! Я — царь горы!.. — торжествуяше завопил он.

— Так нечестно! Это не по правилам! — заспорили его приятели. — Мы так не договаривались!

Но победитель стоял на своём:

— Ну и что, что не договаривались? Кто первый на горку забрался, тот и царь!

«Вот ведь, проныра! — невольно улыбнулся Борисов, хотя ему и жаль было мальчишку, честно сражавшегося за победу: по совести, конечно, он должен стоять на вершине. — Впрочем, какая эпоха, такие и цари...»

Борисов не стал дожидаться, чем закончится ребячий спор, встал с лавочки и направился домой. Лифтом пользоваться не стал, поднялся на шестой этаж пешком: физическая нагрузка лучше всего мысли упорядочивает, и с ощущением, что весь нынешний негатив оставляет за порогом, коротко и энергично позвонил в дверь.

— Извини, милый, говорю с мамой по телефону... Обед на плите... — открыв дверь, протараторила Инга и упорхнула в гостиную, источая нежный запах знакомых духов.

«С мамой — это надолго», — резюмировал Борисов, стягивая с себя кожаное пальто. Он донашивал его бессчётное количество лет, несмотря на упреки жены, что такой фасон давно не в моде, что в этом пальто он похож на Дзержинского, которого уже сняли с пьедестала...

«Кожа всегда в моде! И Феликс Эдмундович ещё когда-нибудь на свой пьедестал вернётся, чтобы с этим бардаком в стране разобраться!» — Борисов снял тяжёлые ботинки, напоминающие омовские берцы, сунул ноги в тапки, прошёл в ванную и старательно вымыл руки, отметив про себя, что смог окончательно справиться с охватившим его раздражением.

Рассольник ещё не успел остыть.

Борисов ел медленно — с чувством, с толком, с расстановкой. Этому он научился в Афгане.

— На войне есть два святых занятия: баня и приём пищи... Война войной, а обед по распорядку, — заметив оставшуюся с курсантских лет привычку Борисова — поглощать еду быстро, почти не разжёвывая, наставлял его майор Петров. — Запомни, пока ты жуёшь, тебя никакой Аполлон, то бишь старший воинский начальник, ни к какой священной жертве не потребует и никуда не пошлёт. Медленнее ешь, целее будешь!

За год, проведённый «за речкой», много раз убеждался Борисов в истинности простой солдатской му-

дрости: война торопливых и инициативных не любит. Пока не получил приказ — не высовывайся, а получил — выполняй не спеша, а то переделывать заставят.

Борисов успел покончить с первым блюдом и приступил к котлете «по-киевски», когда на кухню вошла жена.

— Ну как, вкусно? — поинтересовалась она.

— Во! — Борисов поднял вверх большой палец левой руки. Прожевав, похвалил: — Ты — молодец! Вполне могла бы шеф-поваром в ресторане работать... — И тут же осёкся: Инга уже много лет — домохозяйка. Не воспримет ли похвалу как упрёк?

Но Инга улыбнулась:

— Сейчас чай будем пить с персиковым вареньем... — Она поставила ему — водохлёбу — большую кружку, себе — изящную фарфоровую чашку.

За чаем Борисов поинтересовался:

— Ты видела, что в арке стену испоганили?

Инга встрепенулась:

— Я сегодня ещё не выходила... А что там на этот раз?

— Наскальные надписи новых неандертальцев!

— Опять про Чашкина написали?

Борисов усмехнулся.

С пресловутым Чашкиным была связана целая история, продолжавшаяся несколько недель. Сначала в арке появилась надпись, в которой неизвестный корреспондент упрекнул Чашкина за то, что он гуляет с девушкой старшего брата. Затем кто-то из сочувствующих «пострадавшему» Чашкину-старшему дал определение этому гнусному проступку Чашкина-младшего в нецензурной форме. Спустя ещё несколько дней появился «приговор»: «Казнить его!» И, наконец, очередной борзописец подвёл итог обсуждению, с грамматической ошибкой начертав свою резолюцию: «Согласен».

— Может быть, и про Чашкина, если его Витькой зовут! — Борисов процитировал: — «Витька, я спал с твоей женой», — и принялся размышлять: — А если это не Чашкин?.. Выходит, всем Витькам нашего района вздрогнуть нужно!

Инга слушала его рассуждения с улыбкой и вдруг спросила:

— А вы не подумали, Виктор Павлович, что это вам адресовано?..

2

Выйдя на «гражданку», Борисов долго не мог привыкнуть, когда к нему обращались по имени и отчеству. В армии всё было просто — сначала: «товарищ курсант», после окончания училища — «товарищ лейтенант... товарищ капитан... товарищ подполковник». Сослуживцы если и окликали не по-уставному, то только по имени — Виктор.

Отец Павел Андреевич, армейский прапорщик, мечтавший воплотить в сыне свою несбывшуюся мечту стать офицером, нарочно выбрал для него имя, означающее «победитель». А вот мама Татьяна Петровна, всю жизнь проработавшая поварихой в заводской столовой, и в детстве, и потом называла его, своего единственного сыночка, не иначе как Витюшей. Приятели в школе звали Витькой, пока в девятом классе, после изучения таблицы Менделеева, к нему не пристало созвучное фамилии прозвище Бор. Бывшая жена Серафима, в добром настроении, называла его Витя, а когда злилась — Викентий. Это имечко бесило Борисова. И Серафима, зная об этом, нарочно доводила его до белого каления... По имени-отчеству к Борисову стали обращаться только после перевода его из войск в редакцию окружной газеты «Красный воин».

Инга, с тех пор как они стали жить вместе, по имени Борисова и не называла вовсе, а только — милый и, если уж возникал спор и не удавалось прийти к общему мнению, произносила строго: Борисов.

...Она появилась в его жизни, когда Борисов уже ни на что не надеялся. Если и оставалось в глубине души какое-то ожидание светлого и лучшего, то он никак не думал, что это «светлое и лучшее» возникнет именно в таком виде и при таких обстоятельствах.

В декабре девяносто первого года рухнуло в одночасье, казалось бы монолитное и поставленное на века, здание Советского Союза. Оно развалилось, как карточный домик, из которого выдернули всего одну карту — партийную идеологию, цементирующую всю эту сложную и величественную конструкцию.

Известие о том, что СССР больше нет, подполковник Борисов встретил в Харькове, где служил преподавателем на кафедре общественных наук в Высшем военном командно-инженерном училище ракетных войск имени маршала Советского Союза Н.И. Крылова.

Бывшие братские республики Россия и Украина разошлись тогда мирно и вроде бы по-хорошему. Их лидеры при расставании обнялись и поклялись друг другу в нерушимой дружбе. Однако в первой же анкете для всех офицеров бывших Вооружённых Сил СССР, оказавшихся на территории Украины, «незалежные» власти предложили ответить на два взаимосвязанных вопроса: «Будете ли вы принимать присягу Украине?» и «Станете ли вы воевать против Российской Федерации в случае объявления ей войны?»

И если первый вопрос объяснялся самим фактом появления нового государства, то второй показался Борисову невыносимым и провокационным. Он ответил на оба вопроса отрицательно.

Начальник отдела кадров училища подполковник Зинченко, добродушный краснолицый толстяк

с запорожскими усами, прочитав его анкету, посоветовал:

— Пиши-ка ты, братец Борисов, рапорт на перевод в Вооруженные Силы Российской Федерации! Найдётся там, кому за тебя слово замолвить?

— Так точно, Тарас Богданович, найдётся, — кивнул Борисов.

Он сразу вспомнил о друге детства Царедворцеве, который служил в Самаре, в штабе Приволжско-Уральского военного округа: «Коля обязательно поможет!»

— Добре! Тоди працой... — внезапно перешёл на «ридну мову» Зинченко, протягивая Борисову чистый лист.

Борисов тут же написал рапорт на перевод из украинской армии в российскую и стал собираться на «историческую родину».

Но пока назначили нового начальника училища — «широго» украинца; пока этот начальник рассмотрел его рапорт вместе с рапортами других «отказников»; пока весь пакет документов переправили в только что созданное Минобороны Украины и пока там, среди нескольких десятков тысяч личных дел офицеров, желающих вернуться в Россию, очередь дошла и до Борисова, наступило лето девяносто второго года.

К этому времени Борисов получил от Царедворцева письмо, из которого узнал, что и в Российской армии произошли большие перемены. Приволжско-Уральский округ приказал долго жить, и Царедворцева перевели в Свердловск, ставший не так давно Екатеринбургом, где воссоздали штаб Уральского военного округа.

«Ты, Бор, давай, не тяни! Приезжай поскорей, — торопил в письме Царедворцев, — пока округ формируется, найдём для тебя местечко получше!»

И Борисов поехал на родной Урал.

Величественное здание штаба УрВО, облицованное красным гранитом, построенное в конце тридцатых годов в стиле сталинского ампира, в день приезда Борисова гудело растревоженным ульем. По коридорам, помнившим ещё шаги маршала Жукова, расхаживали десятки таких же, как Борисов, «безработных» офицеров, спешно покинувших национальные республики и мечтающих служить в некогда заштатном, второразрядном, а теперь — престижном округе.

В правом крыле первого этажа, где располагалось управление кадров, толкаясь в очереди перед кабинетом начальника управления, Борисов неожиданно вспомнил, как в девяностом, сразу после выпуска из военной академии, ему предлагали место преподавателя в Свердловском высшем танко-артиллерийском военно-политическом училище имени Л. И. Брежнева.

Тогда он от вакансии отказался, отдав предпочтение Харьков, дескать, там тепло и яблоки растут,

словно не хватило ему афганской жары и сахарных дынь. Но на самом деле причина была совсем иного, личного свойства... Сейчас он был бы рад вернуть всё назад, да жизнь — не кинолента, обратно не прокручивается, и всё в ней предугадать невозможно... Впрочем, и само Свердловское политическое училище тоже не сохранилось. Его расформировали по указу президента новой России, упразднившему политорганы. На месте СВВПТАУ разместилось командное артиллерийское училище, в котором должности для Борисова не нашлось. Не помогли ни академия, оконченная с отличием, ни лестная характеристика, которой снабдили в Харькове, ни звонок Царедворцева начальнику управления кадров.

— Ждите, товарищ подполковник, — уныло обнадёжил Борисова кадровик. — Появится вакансия, мы свяжемся с вами... Вы где остановились?

Борисов поселился в переполненной приезжими офицерами и членами их семей окружной гостинице. Царедворцев, пользуясь статусом редактора окружной газеты, устроил его в отдельный номер. Сам он проживал в соседнем, ожидая служебной квартиры.

Сообщив кадровику, где его найти, Борисов побрёл в сторону своего временного приюта, размышляя, чем себя занять, пока, как говорится, суть да дело. Ему пришла в голову мысль — съездить в родной Челябинск. Но он её быстро отверг: родителей уже похоронил, а квартира, которую они так и не успели приватизировать, отошла государству. Просто так глядеть на «родное пепелище» и вдыхать «сладкие и приятные» дымы знаменитого металлургического комбината не хотелось. Да и надеялся, что должность для него всё-таки отыщется быстро.

Место для Борисова и впрямь вскоре нашлось — заместителем командира батальона по работе с личным составом в Алапаевской инженерно-сапёрной бригаде.

— Должность майорская, но это назначение, как вы понимаете, с расчётом на перспективу... — напутствовал уже знакомый кадровик. — Служите, товарищ подполковник! Родина о вас не забудет!

Сколько подобных фраз выслушал Борисов за годы службы, и не перечить. Он хорошо знал армейскую истину: временные должности — это, как правило, надолго, но выбирать было не из чего.

— Разрешите убыть к новому месту службы! — козырнул Борисов и отправился в гостиницу собирать вещи, которых у него, как у человека одинокого, было немного — два чемодана с обмундированием и книгами.

У гостиницы Борисов столкнулся с Царедворцевым:

— Еду, Коля, служить в Алапаевск. Сам понимаешь, городишко — так себе. Одно только радует: служебную квартиру обещали сразу дать.

Царедворцев благодушно похлопал его по плечу:

— Всё в порядке, Бор! Нормальный городок. Чайковский там жил и члены семьи последнего императора...

— Скажи ещё: нашли свой последний приют... — мрачно усмехнулся Борисов.

— Ну, нам с тобой до последнего приюта ещё далеко... Ты служи! А Родина тебя не забудет!

— Да вы что, сговорились, что ли? В кадрах утешали, ты меня уговариваешь... Само собой, буду служить! Хоть в Алапаевске, хоть в Елани, хоть в любой другой дыре! Только хотелось бы, чтоб не до пенсии... Ты же помнишь курсантскую присказку: в запас надо уходить в городе с метро!

— Будет тебе метро! — бодро пообещал Царедворцев. — В Екатеринбурге уже три станции действуют. К концу этого года первую ветку сдадут. Думаю, что к этому времени я тебе перевод организую...

— Свежо предание... — слова Царедворцева напомнили Борисову недавно услышанный анекдот: Екатеринбургский метрополитен самый короткий и самый долгостроящийся в мире...

...Он успел прослужить в Алапаевске почти два года, когда в его рабочем кабинете раздался телефонный звонок.

— Товарищ подполковник, «Визит» на проводе! — сообщила знакомая телефонистка с бригадного коммутатора. — Соединяю!

— Спасибо, Тома! — поблагодарил Борисов, насторожившись. «Визит» — позывной штаба округа. «Кому я там понадобился?»

В допотопной трубке армейского «ТАИ-43», после короткого шуршания и потрескивания, раздался слегка искажённый, но вполне узнаваемый голос Царедворцева:

— Здорово, Бор! Как ты там?

— Здравия желаю! Служу! А ты как?

— Тоже служу, — радостно хохотнул Царедворцев. — Вот, полковника получил! Приедешь обмывать?

При упоминании о «полковнике» в сердце у Борисова кольнуло — и у него подошёл срок присвоения очередного звания, да должность майорская не позволяет на третью звезду претендовать. Он поёжился, но не дал зависти ни одного шанса:

— Рад за тебя, мой друг! Поздравляю, товарищ полковник!

— Ну, ещё не полковник... — снова хохотнул Царедворцев. — На днях командующий погоны вручит, тогда уж... Так ты приедешь? В следующий четверг проставляюсь. Голубой зал ОДО. Начало в восемнадцать ноль-ноль.

Борисов замылся:

— Кто ж меня отпустит, Николай? У нас на это время командно-штабные учения запланированы...

— Отпустят, — успокоил Царедворцев, — я ведь главное не сказал: должность для тебя нашёл. Начальником отдела боевой подготовки у меня в газете!

— Да какой из меня газетчик? Меня этому не учили! — от неожиданности стал упираться Борисов. — Я ни дня в армейской печати не служил, только в войсках да в училище...

— Ах, скотина неблагодарная! Я ему, сидящему на майорской должности в задрипанном Алапаевске, подполковничью в Екатеринбурге пробил, а он ещё и упирается... — оскорбился Царедворцев. — Ты мне это брось! Стихи пишешь! Две книжки уже издал! Вот-вот в Союз писателей вступишь! Неужто с газетными заметками не справишься? Тем паче в отделе боевой подготовки! Ты же — войсковой офицер, к работе в «поле» тебе не привыкать... В общем, жди! Завтра-послезавтра будет выписка из приказа! И не забудь: четверг, восемнадцать ноль-ноль!

Конечно, Царедворцев был прав. Борисов работы в полевых условиях не боялся и, хотя никогда не служил в печатных изданиях, заметки для этой окружной газеты в последнее время регулярно писал. И поэтические сборники у него, один за другим, вышли: в «Воениздате» и в «Молодой гвардии»... И документы на приём в Союз писателей России уже в Москве...

И ещё, пока Борисов служил на родине Чайковского, они с местным композитором Цикалёвым написали гимн Алапаевска, который на всех городских мероприятиях поют:

Алапаевские зори
И крутой изгиб реки.
Дивный лес на косогоре
И рабочих смен гудки...
Это всё — моё родное,
Что судьбой своей зову,
Что останется со мною
До тех пор, пока живу..

«Где наша не пропадала! Уж, наверное, газетчиком быть — не сложнее, чем гимны слагать...» — решил Борисов и в назначенное время появился в Доме офицеров.

Царедворцев в новом парадном мундире с золотыми полковничьими погонами представил его коллективу редакции:

— Коллеги! Прошу любить и жаловать — новый начальник отдела боевой подготовки подполковник Борисов Виктор Павлович!

А на ухо Борисову шепнул:

— Помни, я теперь — твой непосредственный начальник. Так что соблюдай субординацию и — никакого панибратства! — при этом Царедворцев добродушно улыбался.

— Есть — никакого панибратства и соблюдать субординацию, товарищ полковник! — прищёлкнул каблучками Борисов.

— Только давай без этого солдафонства — не на плацу! У меня в редакции принято обращаться друг к

другу по имени-отчеству... — Царедворцев указал на один из десяти столиков, расставленных в два ряда. — Вот ваш стол, Виктор Павлович! Отдыхайте, веселитесь, а завтра в девять утра жду у себя в кабинете. Попрошу не опаздывать!

Соседями по столу у Борисова оказались два майора и сухопарый старичок-ветеран.

Майоры представились:

— Валерий Исмаилович Амирханов — отдел культуры и быта.

— Вадим Юрьевич Дулов — молодёжный...

Ветеран с орденскими планками назвался Егором Ивановичем Мильковым.

— А я ваши стихи знаю, Виктор Павлович, — с ходу огорошил он. — Давно за вашим творчеством слежу, ещё когда вы курсантом Курганского училища были и у нас, в «Красном воине», свои первые опусы публиковали. Году, кажется, в семьдесят седьмом...

От неожиданности Борисов растерялся:

— Так точно, публиковал что-то в семьдесят седьмом...

— А я тогда в этой «богадельне» редактором был, в звании капитана первого ранга. По долгу службы все номера вычитывал. Вот и запомнил вас... Рад, что служить у нас будете, — продолжал старичок Мильков. — Талантливые люди в редколлегии нужны...

Майоры дружно закивали и потянулись к бутылке. Это оказалось весьма своевременным.

— Внимание, товарищи! — возвысил голос Царедворцев, сидевший за начальственным столом, под портретом Михаила Васильевича Фрунзе на коне. И Фрунзе, и конь были на себя не похожи: «Явно солдатское творчество».

Генерал-майор — начальник управления воспитательной работы округа с невыразительной фамилией Бурмасов и такой же невыразительной внешностью поднялся с бокалом в руке.

— За нового полковника российской армии! — провозгласил он. — За полковника Царедворцева!

Все встали, гремя стульями. Зазвенели рюмки и бокалы. Грянуло троекратное, дважды короткое, а третье — раскатистое, «ура», и праздник начался.

Где-то между третьим и четвёртым тостом Борисов поинтересовался у Милькова, как это он сподобился в морском звании оказаться в сухопутном округе.

— Я ведь школу юнг Северного флота окончил — между прочим, вместе с будущим известным писателем Пиккулем... Служил на торпедном катере, а после войны в военно-морское училище поступил. В журналистику меня уже позже судьба забросила. После редакторского факультета и направили на Урал, — пояснил Мильков и перевёл разговор на Борисова. — Это очень хорошо, что вы к нам из войск. Не хватает у нас в редакции настоящих боевых офице-

ров. Эти вот юноши, — кивнул он на майоров, — как после Львовского политехникума в газету угодили, так до начальников отделов и доросли... Что с них взять, если они не знают, как солдатские портянки пахнут! А журналист всё должен знать!

Майоры к их беседе не прислушивались, усиленно налегали на водку и закуски, о чём-то между собой переговариваясь.

Снова провозгласили тост за Царедворцева с пожеланием, чтобы он стал генералом.

Выпили за будущего генерала и Борисов с Мильковым.

Старый редактор, слегка «поплыв», заговорил о «политике»:

— Скажите мне, Виктор Павлович, как же это вы страну профукали? Не вы лично, конечно, а всё ваше поколение... Мы её в такой войне отстояли, такому врагу хребет переломили, а вы...

Борисов поморщился: тема была больная и неоднозначная. Он и сам не однажды задавал себе вопрос и не мог ответить, как так вышло, что могучая страна, в которой много «лесов, полей и рек», враз развалилась, а армия, «легендарная и непобедимая», о которой народ слагал песни, не встала на защиту своей удивительной страны. И он, Борисов, в том числе не встал. Потому и живёт сейчас, чувствуя себя офицером, потерявшим честь. Ведь не защитил он СССР «ценою своей крови и самой жизни», как обещал в юности, когда принимал присягу...

— А что мы, Егор Иванович? Мы растерялись... — вырвалось у него. — Да был бы только приказ — защитить... Но ведь приказа-то не было!.. Вышние начальники трусили, да и мы... Никто на себя смелость не взял предателей арестовать и вакханалию в стране остановить!

Мильков покачал головой:

— На труса вы вроде не похожи... Да вижу, и повоевали... — кивнул он на голубую колодку медали «От благодарного афганского народа». — Простите меня, старика, что завёл об этом речь... Только, поймите, ноет здесь... — ткнул он пальцем в свои орденские планки — вровень с сердцем.

Они выпили ещё по одной. Молча, как будто за упокой страны, которой оба присягали.

Тут заиграл офицерский вокально-инструментальный ансамбль «Поворот». И хотя пели что-то патристическое, про родной Урал и «ершистый уральский характер», песня Борисову не понравилась. И даже не словами, а манерой исполнения: как будто и не офицеры поют, а лицедеи, надевшие на себя чужие, не принадлежащие им, мундиры.

— А вы, Егор Иванович, приглашены на банкет по старой памяти или как? — осторожно спросил он.

— Зря списываете старика со счетов, Виктор Павлович! Я сейчас в газете отделом писем заведу. Вон, поглядите, справа от нас, через столик, мои кадры сидят...

Борисов оглянулся. За столом, на который указал Мильков, сидели женщины — две помоложе и две постарше.

С одного взгляда, по холостяцкой привычке, Борисов оценил, что все они вполне себе привлекательные и «в соку».

— Неужели все — ваши? — переспросил он.

— Две — мои, а две — из бухгалтерии. Те, что повзрослее... Но вы на возраст внимания не обращайтесь... — Умудрённый Мильков изложил сразу всю диспозицию: — Докладываю вам совершенно определённо, что все дамы — одинокие и порядочные... А вы сами — женаты, Виктор Павлович?

— В разводе уже семь лет...

— Тогда не тушуйтесь, — посоветовал Мильков. — Это нам, старикам, на амурном фронте одно остаётся — мемуары писать. А вам, молодым, и флаг, как говорится, в руки!

Борисов снова поглядел в сторону столика с дамами. На этот раз — пристальней. Тут он и заприметил Ингу...

3

Слова, сказанные женой за обедом, как будто в шутку: «А вы не подумали, Виктор Павлович, что это вам адресовано?..» — занозой засели у Борисова в мозгу: определённо это он уже слышал.

Борисов познакомился с Ингой так, как советовал знакомиться с дамами герой Дюма — мушкетёр Д'Артаньян: «Хочешь произвести на женщину неотразимое впечатление — окажи ей услугу, выручи в трудной ситуации, а ещё лучше — спаси от беды».

Когда по совету ветерана Милькова Борисов приглядывался к сотрудницам редакции и выделил среди них Ингу, он поначалу даже не понял, чем именно она привлекла его внимание. Инга не соответствовала типу женщин, которые ему нравились прежде. Блондинка Серафима с голубыми, с поволокой, вечно печальными, как у бурёнушки, очами и темпераментная шатенка Майя, после романа с которой Борисов решил, что больше влюбляться не станет ни за какие коврижки, обладали довольно пышными формами. Рыжеволосая, коротко стриженная Инга отличалась от них какой-то детской беззащитностью. На удлинённой, как у Нефертити, шее — ниточка красных бус, изящные, как у скрипачки, пальцы.

«Она в семье своей родной казалась девочкой чужой...» — сразу определил он Ингу в разряд «романтических героинь», хотя ничего общего с уездной барышней девятнадцатого века в ней и не наблюдалось.

Когда она в коротком чёрном платье прошла по залу, он, взглядом знатока, оценил лёгкость её походки и стройность ножек на шпильках.

Всё подмечающий ветеран Мильков одобрительно подмигнул, мол, девушка что надо, и назвал её имя — Инга, — необычное, колкое как игла.

Возникновение метафор, как знак пробуждения поэзии в душе, это — самый верный признак того, что девушка Борисова зацепила.

Между тем начались танцы. И поскольку женщин в компании оказалось меньше, чем мужчин, представительницы прекрасной половины человечества были нарасхват.

Первыми ринулись в «бой» майоры Валерий Исмаилович и Вадим Юрьевич. Будучи уже изрядно подшофе, они пригласили на танец двух соседок Инги и теперь медленно перетаптывались в дальнем углу зала со своими партнёрами.

Борисов танцевать не любил, хотя в юности некоторое время ходил в школьный танцевальный кружок, но, скорее, за компанию с Царедворцевым, чем по собственной инициативе. Он неожиданно ревнивым (хотя с чего бы ему было ревновать?) взглядом проводил кавалера, который попытался пригласить Ингу на танец, и порадовался, когда она отказала: «Извините, я не танцую».

«Привередливая барышня... — одобрительно подумал Борисов, чокаясь с Мильковым. — А почему она на банкет пришла и не танцует? Ну, нет сегодня у барышни настроения танцевать!»

Музыканты заиграли очередную блюз.

К Инге вальяжно приблизился генерал Бурмасов. Он склонился к ней так низко, что Борисову стала видна большая плешь на его макушке.

До Борисова донеслось уже знакомое «Извините, я не танцую...», но генерал не привык, чтобы ему отказывали. Он продолжал настаивать и после повторного отказа потянул Ингу к себе за руку.

Она закрутила головой, словно ища защиты. Борисов перехватил этот взгляд «испуганной лани» и вскочил из-за стола.

— Осторожней, Виктор Павлович... — предостерег вдогонку Мильков.

В несколько шагов Борисов оказался рядом с генералом Бурмасовым и крепко сжал его локоть:

— Извините, но девушка обещала этот танец мне! — негромко сказал он.

Бурмасов от подобной наглости растерялся, выпустил руку Инги, тут же проскользнувшей за спину Борисова.

— Вы что себе позволяете? Вы не знаете, кто я? — Шея у Бурмасова побагровела, а лицо стало серым.

Борисов сдержанно улыбнулся:

— Хорошо знаю, товарищ генерал-майор. Но мы же не в строю, и танец мне уже обещан...

Бурмасов отступил назад и окинул Борисова прищуренным взглядом:

— Ну-ну, подполковник, держайте... — и удалился к «начальственному» столу.

Борисов обернулся к Инге, мол, ничего не поделаешь, барышня, а танцевать вам всё же придётся. Вот тут он и услышал:

— А вы не подумали, Виктор Павлович, что это и вам адресовано: я не танцую!

Борисов так и застыл с протянутой рукой — вот она, женская неблагодарность, и, не сразу найдя, что ответить, спросил:

— Откуда вам известно моё имя, Инга?

В испуганных глазах Инги запрыгали «смышинки»:

— А вы откуда знаете моё? — Она вдруг звонко рассмеялась. И смех её, напоминающий серебряный колокольчик, сразу «растопил лёд недоверия между ними», как пишут обычно в дамских романах. — Хорошо-хорошо, — она протянула ему руку, — для вас, «победитель генералов», так и быть, сделаю исключение...

Они вышли к танцующим.

Инга положила свою лёгкую, как пушинка, ладонь ему на погон. Борисов осторожно приобнял её за талию и сделал несколько шагов, радуясь тому, как Инга движется в такт музыке, как угадывает его движения.

«Гармония в танце — знак добрый», — подумал он и пошёл в наступление:

— А хотите, я вам стихи читаю?

В её зеленовато-карих глазах снова заплясали «солнечные зайчики»:

— Чьи стихи? Мандельштама?

— Нет, свои... — нахмурился он, уловив в её голосе иронию: точно — игла.

— Не надо, — мягко сказала она.

Стандартный способ обольщения с этой барышней не сработал, но отступать Борисов не собирался.

— Вы, что же, совсем стихов не любите, Инга? — с вызовом, чтобы скрыть своё разочарование, спросил он.

— Отчего же не люблю, — снисходительно произнесла она. — Очень даже люблю. Скажем, Гейне в переводе Лермонтова: «Не пылит дорога, не дрожат кусты. Подожди немного — отдохнёшь и ты...» Возможно, и у вас стихи замечательные. Однако здесь ваш «творческий вечер» кажется мне неуместным: мы же танцуем!

Борисов оживился:

— Так давайте, Инга, найдём тихое место, где это будет уместно...

Инга снова засмеялась:

— В другой раз... Может быть.

Её смех обладал каким-то волшебным воздействием. Едва «колокольчики зазвенели», Борисов тут же растаял:

— Отлично, Инга. Я запомнил ваше обещание!

— If a lady says Yes...

— Знаю, знаю: если леди говорит «да», то она говорит «нет». Но всё же оставляет надежду...

После танца он проводил Ингу к столику и, пока не вернулись её соседки, поинтересовался:

— А могу я узнать номер вашего телефона?

— Телефона у меня нет.

— Жаль... Я мог бы вам стихи по телефону прочитать... — Борисов очень хотел понравиться Инге. Он понимал, что стихи — его «безоткатное десантное орудие», без которого штурм обречён на провал:

— Обязательно прочтёте когда-нибудь! Мы ведь завтра увидимся в редакции...

Тут вернулись шумные соседки Инги.

Борисов откланялся и направился к своему столику. Его провожали женские изучающие взоры и недобрый взгляд Бурмасова.

Милюков своей горячей и сухой ладошкой сжал руку Борисова:

— Ну, вы — герой, Виктор Павлович! Да-а-а... И довольно безрассудный! Впрочем, как и положено поэту... Такого врага себе на ровном месте нажили. Могущественного! Я этого Бурмасова с лейтенантов помню... Знаете, какое у него в штабе округа прозвище? «Дятел»... Вот так-то! А прозвища в армии просто так не дают! Берегитесь теперь...

Инга вскоре незаметно ускользнула с банкета, и поговорить Борисову с ней больше не удалось. А вот с Царедворцевым разговор состоялся сразу после окончания застолья.

— Не с того начинаешь! — сердито сказал Царедворцев, когда они вышли из ОДО. — Не с того!

— О чём это вы, Николай Васильевич? — насмешливо протянул Борисов.

— Не валяй дурака! — прошипел Царедворцев. — Надо тебе было так разозлить начальника управления воспитательной работы! Я, между прочим, через него тебе должность пробивал. Охарактеризовал тебя как перспективного офицера, талантливого, понимаешь, литератора... А ты?! Не мальчик ведь уже... Далась тебе эта Рыжова!

— Какая Рыжова? — сделал невинное лицо Борисов, хотя и догадался, чья это фамилия.

— Та самая, с которой ты кренделя выводил! Ишь, перья распустил, петух... из Алапаевска, — Царедворцев, похоже, разозлился не на шутку. — Я тебе, Бор, в первый и последний раз по-дружески говорю: ты это брось! Никаких шашней у себя в газете я не потерплю! У нас — военное издание, а не дом терпимости!

— Но ведь журналистика — вторая древнейшая профессия... — всё ещё пытался шутить Борисов.

— В общем, я сказал, а ты меня услышал! — отрезал Царедворцев. — Чтоб к Рыжовой даже и не приближался! Уяснил?

— Так точно, товарищ полковник, уяснил, — козырнул Борисов: «Что же это такое? Как только власть людям в руки попадает, так с ними сразу что-то происходит... Как будто крыша съезжает набок!»